

Pax sovietica – уникальный мир страны советов

Вячеслав И. Меньковский

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

E-mail: vmenkouski@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3417-4589>

DOI: 10.32523/2616-7255-2022-140-3-59-73

Аннотация. В статье анализируется формирование образа СССР как уникального явления российской и мировой истории в политических, культурологических, медийных практиках Советского Союза и Российской Федерации. Применена методология *historical memory studies*, т.е. исследование исторического сознания, коллективной памяти, исторической памяти. Используемая методология позволила проанализировать два этапа формирования «образа СССР» - советскую (само)репрезентацию 1930-х гг. и российскую (ре)конструкцию 1990-2020-х гг. При рассмотрении обоих этапов внимание обращалось прежде всего на стремление характеризовать советский феномен как уникальное явление мировой истории, наиболее прогрессивный вариант существования человека, общества и государства. «Советская цивилизация» в случае 1930-х гг. трактовалась как оптимальный образец для всего человечества, в случае 1990–2020-х гг. как неотъемлемая составляющая не только современного российского общества, но и широко понимаемого «русского мира».

Автор приходит к выводу, что сформированный в 1930-е гг. образ в основном используется в современной российской политике памяти. Заметна тенденция подменять понятие «советский» понятием «российский», несмотря на то, что Россия не была Советским Союзом, точно так же как Советский Союз не был Россией. Следующий аспект связан с динамичностью советской модели. Социально-экономический и политический строй эволюционировал и в силу планов властных элит, и в силу влияния общества на элиты. Оказывали несомненное влияние и общемировые тенденции развития, геополитическая конкуренция. «Советскую цивилизацию» очень сложно уложить в дихотомию «социализм – капитализм» из-за расплывчатости и спорности обоих понятий. Российская ностальгия по СССР является частным случаем посткоммунистической (постсоциалистической) ностальгии, идеализирующей образ ушедшего в прошлое общественного строя. Однако советское прошлое в российской интерпретации оказалось более «полезным прошлым», чем оно представляется в историко-мифологических вариациях других стран.

Ключевые слова: Советский Союз; Российская Федерация; «советская ностальгия»; «образ СССР»; социализм; политика памяти; мемориальная культура.

Received 15 March 2022. Revised 20 March 2022. Accepted 30 June 2022. Available online 30 September 2022.

For citation:

Menkouski V.I. Pax sovietica - the unique world of the Soviet state // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. – Vol. 140. – №. 3. – P. 59-73. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-140-3-59-73.

Для цитирования:

Меньковский В.И. Pax sovietica – уникальный мир страны советов // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2022. – Т. 140. – №. 3. – С. 59-73. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-140-3-59-73.

Большинство людей согласились считать достоверной красивую легенду. И постепенно она стала... «политической истиной».

Дж. Робертс

Введение

Рубеж 2010–2020 гг. можно с определенной долей условности назвать «пятилеткой советских юбилеев». 2017 г. – столетие российской революции, 2018 г. – 140 лет со дня рождения И.В. Сталина, 2020 г. – 150 лет со дня рождения В.И. Ленина, 2021 г. – 30-летие распада СССР, 2022 г. – столетие образования СССР. Условность заключается лишь в том, что пятилетка растянулась на шесть лет, с 2017 по 2022, но поскольку речь идет о советской истории, термин представляется возможным. Пятилетки были формой периодизации советского исторического времени, начиная с 1920-х гг., даже в тех случаях, когда их реальная продолжительность не совпадала с указанным временем (незавершенные пятилетки, семилетка). По мере генезиса Советского Союза пятилетки включали в себя и настоящее, и «героическое прошлое», и «светлое будущее». Хотя Советский Союз прекратил существование более 30 лет назад, большинство новых независимых государств, образованных на его территории, продолжают определяться термином «постсоветские» и советское прошлое все еще актуально как для политических элит, так и для рядовых граждан этих стран.

Юбилеи стали удобным поводом для возвращения к обсуждению советского прошлого политиками, средствами массовой информации, профессиональными историками, обществом в целом. Мы употребляем термин «возвращение» поскольку советская история уже была в центре внимания в конце XX – начале XXI вв. Потом интерес ослаб, внимание властных элит и общества переключилось на проблемы современности, а история осталась полем деятельности историков. Однако процесс самоидентификации российского общества, поиск «национальной идеи» вернули

советскую историю в центр общественного внимания. Мемориальная политика, и, следовательно, ее юбилейный аспект стали важным элементом идеологической и политической составляющей повседневности. Т.е. советское прошлое стало объектом не только исторической науки, но и исторической политики. Как справедливо отмечала Н. Иванова «Юбилеи – ... мощный стимул для объединения. По тому, как они проходят в современной России, да и какие, собственно, юбилеи отмечаются – пышно и с размахом, или скромно, почти тайно – видны процессы либо размежевания, противостояния в обществе, либо нахождения и утверждения – на исторической толще юбилея – искомой идентичности» (Иванова, 1999).

Событие, связанное с юбилейной датой 2022 г., т.е. образование СССР 30 декабря 1922 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О праздничных и памятных датах» входило в официальный перечень праздничных и памятных дат: «В СССР отмечаются следующие всенародные праздники: Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции – 7 и 8 ноября; День рождения В.И. Ленина – 22 апреля; День международной солидарности трудящихся – 1 и 2 мая; Праздник Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов – 9 мая; День Конституции СССР – 7 октября; День образования Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря; День Советской Армии и Военно-Морского Флота – 23 февраля; Международный женский день – 8 марта» (Указ, 1980).

День 30 декабря был «праздничной и памятной датой», но никогда не был выходным днем в Советском Союзе, сейчас этот день не входит в праздничные даты Российской Федерации и, соответственно, не закрепился в коллективной памяти россиян. Историческая память о советской эпохе не привязывается конкретно ни к 30 декабря 1922 г., ни к 26 декабря 1991 г., дню принятия Советом Республик Верховного Совета СССР декларации о прекращении существования СССР. Однако это не говорит об отсутствии

коллективной памяти российских граждан о Советском Союзе. Она не просто существует, но приняла ностальгическую форму, в которой советское прошлое представляется «светлым прошлым», счастливым временем, в котором не существовало сегодняшних проблем и трудностей. Происходит масштабный процесс ремифологизации советского прошлого, всех периодов советской истории, в каждом из которых находятся привлекательные стороны. Россия XXI века, как и другие страны постсоветского пространства, переживает комплексное социальное явление, которое можно определить как «советскую ностальгию», т.е. ностальгию по советскому прошлому. Российская ностальгия по СССР является частным случаем посткоммунистической (постсоциалистической) ностальгии, идеализирующей образ ушедшего в прошлое общественного строя. В качестве примеров вспомним югоностальгию (ностальгия по социалистической Югославии), остальгию (ностальгия по ГДР). Современный миф о «социалистическом рае», образе жизни того времени, отношениях между людьми, общественных ценностях и идеалах заменил в сознании людей предшествующий миф о «капиталистическом рае», господствовавшем в странах социализма в годы социализма. Миф нельзя подкорректировать, его можно только заменить другим мифом. В описываемой ситуации миф о будущем заменился мифом о прошлом, но выполняет ту же функцию психологической и эмоциональной опоры в сложном настоящем. С. Бойм подчеркивала, что «Ностальгия – это попытка повернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое пространство. Однако сама потребность в ностальгии исторична. Она может быть защитной реакцией, ответом на переходные периоды истории. Ностальгия ищет в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем, тоскует о потерянных наречиях и медленном течении времени» (Бойм, 2013).

В момент расставания с социализмом преобладали надежды на будущее, а не

сожаления о прошлом. Как писал С. Медведев, «Распад СССР случился до обидного просто, буднично и незаметно, будто повторяя конец Российской империи» (Медведев, 2021). Массовых выступлений в защиту союзного государства не было. Что касается апелляции к итогам референдума 17 марта 1991 г., когда 76,4 % ответили «да» на поставленный вопрос, необходимо напомнить формулировку: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» (Референдум, 1991). Вопрос был сформулирован таким образом, что трактовать его можно в зависимости от позиции трактующего (возможно, так и было задумано авторами идеи референдума). Г. Бурбулис, в то время бывший одним из ключевых советников Б. Ельцина, считает, что «Значение референдума не до конца осмыслено. И та упрощенная трактовка, что вот прошел референдум, на котором большинство населения Советского Союза высказалось за сохранение страны, а потом, пренебрегая этими важными результатами (голосования), реальная история складывалась в обратную сторону, сторону распада. Это фактически неверно и исторически неправильно... Сама формулировка выглядела для слуха и для глаза нормального гражданина настолько многословной и неопределенной, что вызвала сомнения в уверенности самих организаторов референдума» (Бурбулис, 1991). По нашему мнению, референдум при желании можно назвать «референдум о сохранении СССР», при желании «референдум об обновлении». Соответственно, и трактовка результатов (за «сохранение» или «обновление»), как в 1991 г., так и 2022 г. является скорее предметом дискуссии, чем однозначного утверждения.

Предметом дискуссии остаются и многие другие (практически все) ключевые события советской истории, а следовательно, и «образ СССР», формируемый политическими, культурологическими, медийными

российскими акторами. Безусловно, Россия как правопреемница СССР занимает особое положение на постсоветском пространстве, а соответственно, и особо позиционирует себя по отношению к Советскому Союзу. Властные элиты с помощью имеющихся у них ресурсов создают специфический «советский миф», особый образ СССР, отличающийся от мифов и образов, создающихся властными элитами других новых независимых (постсоветских) государств. Советское прошлое в российской интерпретации оказалось более «полезным прошлым», чем оно представляется в историко-мифологических вариациях других стран. Расхождение в оценках, вероятно, будет только усиливаться по мере кристаллизации различных вариантов исторического обоснования современной государственности.

Методология исследования

В исследовании применена методология *historical memory studies*, т.е. исследование исторического сознания, коллективной памяти, исторической памяти. Методология основана на анализе ситуации, когда представления о прошлом, национальной истории зависят от ментальности и целеполагания конкретной социальной, национальной или иной группы. В исследовательское поле входят практики коммеморации, использование образов прошлого при формировании коллективной идентичности, деятельность различных «институтов памяти», механизмы общественных дебатов о прошлом, методы работы средств массовой информации с историческим материалом.

Используемая методология позволила проанализировать два этапа формирования «образа СССР» - советскую (само)репрезентацию 1930-х гг. и российскую (ре)конструкцию 1990-2020-х гг. При рассмотрении обоих этапов внимание обращалось прежде всего на стремление характеризовать советский феномен как уникальное явление мировой истории, наиболее прогрессивный вариант существования человека, общества

и государства. «Советская цивилизация» в случае 1930-х гг. трактовалась как оптимальный образец для всего человечества, в случае 1990-2020-х гг. как неотъемлемая составляющая не только современного российского общества, но и широко понимаемого «русского мира».

Обсуждение и результаты

Следует признать, что до сегодняшнего дня на вопрос о том, что такое «советская цивилизация», нет простого или единственного ответа¹. В Советском Союзе схемы объяснений создавались многократно в зависимости от различных обстоятельств, точек зрения и опыта. На уровне советской пропаганды проблем не возникало. «Построение социализма», «полная победа социализма», «полная и окончательная победа социализма», «развитой социализм». При том, что «советскую цивилизацию» очень сложно уложить в дихотомию «социализм – капитализм» из-за расплывчатости и спорности обоих понятий, для советских идеологов социализмом было то, что в данный момент существовало в Советском Союзе. Любые другие вариации были отступлением, ренегатством или предательством. Для внутренней аудитории это работало, но для мира, где социалистические партии стали массовыми (во многих случаях правящими) необходимо было реальность дополнять (или заменять) тем привлекательным «образом СССР», который становился бы примером реализации продвижения к мечте человечества, к фактическому концу истории.

Формирование образа СССР как «новой цивилизации»

Процесс формирования положительного образа Советского Союза начался с момента его создания. Это абсолютно естественно. Как и все политические лидеры во всем мире, советские

¹Примечание. Как писал итальянский культуролог Умберто Эко «Для каждой сложной проблемы имеется простое решение, и это решение неправильное» [Электронный ресурс]. -URL:// Эко У. «Маятник Фуко» <https://citaty.info/quote/394808> (дата обращения: 10.03.2022).

руководители стремились к конструированию положительного образа своего государства в зарубежном общественном мнении. А внутри страны создавалась видимость поддержки всех советских инициатив «мировой прогрессивной общественностью»².

Вопросы о том каким образом советское руководство создавало требующийся образ, какие механизмы были задействованы для его создания, как взаимодействовали советские структуры с западными интеллектуалами, рассматриваются в достаточно обширной историографии. В качестве классических примеров работ по данной проблематике следует назвать монографии П. Холландера (2001), Дж. Кроула (1982), П. Кенеза (1985).

Среди современных исследований, анализирующих процесс формирования положительного имиджа СССР 1930-х гг., внимания заслуживают работы как западных, так и российских историков³: Д. Энгермана (2003), Д. Бранденбергера (2017) и М. Дэвида-

Фокса (2015, 2020), А.В. Голубева (2003), Г.Б. Куликовой (2013). В книге Д. Бранденбергера развитие советской пропаганды рассмотрено с трех точек зрения: разработка, доведение до аудитории и массовое восприятие. Автор показал изменение властной пропагандистской стратегии на рубеже 1920–1930-х гг. Инициатором модификации стал, естественно, Сталин, поскольку право на принятие решений осталось только у него, а окружение вождя могло лишь приспособливаться к его действиям.

Задача, поставленная перед пропагандистским аппаратом, была непростой. Власть не предлагала отказаться от используемых с 1917 г. классовых и интернационалистских составляющих государственной идеологии. Вождь хотел добиться в пропагандистском дискурсе их сочетания с национальными патриотическими идеями. Интеграция столь противоречивых элементов была поручена партийным идеологам, которые хоть и пытались следовать новым указаниям, но, во-первых, делали то, что умели, а, во-вторых, должны были постоянно что-то переделывать, поскольку власть сама не могла точно определить соотношение революционного и традиционного в новом курсе. Приоритетность марксистско-ленинской и национально-государственных составляющих зависела от конкретной политической ситуации, от целесообразности, от меняющихся взглядов политического лидера.

Советский патриотизм должен был основываться на возрождении понятия «родина» и формировании ареопага советских героев, как реальных, так и мифологических. В конечном счете советский патриотизм с военным уклоном стал основой партийной пропаганды (Бранденберг, 2017: 124). Поскольку партийные «бойцы идеологического фронта» по-прежнему существовали только в абстрактных категориях классовости и противопоставления «советского» «русскому», они оказались не готовы к работе в новых условиях. Первыми создали популярный

² Примечание: Следует отметить, что восторженные оценки «советского светлого прошлого», рассказы о самом вкусном советском мороженом и лучшем друге детей, товарище Сталине, сохраняются в определенных социальных стратах Запада до сегодняшнего дня. «В соцсетях обретается немало граждан западных стран, не только прославляющих сталинский СССР, но и мечтающих попасть в ГУЛАГ, который они считают пансионом для трудящихся» // Карпов М. Откуда на Западе взялись поклонники Сталина и почему они мечтают о ГУЛАГе [Электронный ресурс]. - URL: <https://lenta.ru/articles/2020/01/04/tankies/> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Примечание: К сожалению, сегодня приходится констатировать усложнение отношений российского исторического сообщества с историками мира. В предшествующие годы можно было подчеркивать методологическую гетерогенность русскоязычных и зарубежных исследований, что естественно для ситуации историографического постмодерна. Сегодня зарубежная историография зачастую воспринимается как враждебная, направленная на дискредитацию России и ее прошлого, а историкам новых независимых государств отказывается в праве на собственную трактовку общего прошлого. Совершенно естественная для исторического сообщества полемика зачастую перестает быть научным диалогом-спором, а превращается в обмен оскорблениями, лишь слегка прикрываемыми научной терминологией. Оппоненты не пытаются понять правду другой стороны, они стремятся лишь продекларировать собственную позицию, доказывающую не обоснованность их научных аргументов, а степень превратно понятого патриотизма.

вариант сочетания «счастливого сегодня» с «полезным прошлым»⁴ деятели культуры.

В контексте исторической имагологии (от лат. *imago* — изображение, образ), науки изучающей существовавшие в прошлом образы и стереотипы восприятия окружающего мира, можно рассматривать и монографии М. Дэвида-Фокса. Одной из важнейших задач исследования в работе «Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941 годы» стал анализ взаимодействия внутренних и внешних аспектов советской системы. М. Дэвид-Фокс приходит к выводу о том, что попытки советского государства повлиять на общественное мнение за рубежом и создать островки советской реальности, предназначенные для глаз иностранцев, оказали влияние (пусть косвенное) на развитие советской системы в целом, на внутренний советский мир.

В книге рассматривается генезис особой системы приема иностранцев в СССР и способов влияния на них и на западное общественное мнение. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Отдел агитации и пропаганды (Агитпропа) Коминтерна, Иностранная комиссия Союза советских писателей, Комиссия по внешним сношениям ВЦСПС, гиды и переводчики, образцово-показательные объекты, издательства, общества дружбы действовали как сложное, но согласованное целое.

«Паломничество в Россию»⁵ в период между двумя мировыми войнами, по мнению автора — одно из самых печально известных событий политической и интеллектуальной истории XX века... В течение 1920-1930-х годов Советский Союз посетили около 100

⁴ Примечание: Термин «полезное прошлое» (англ. *usable past*) был впервые использован американским литератором и культурологом В.В. Бруксом (Brooks V. W. *On Creating a Usable Past*. Dial. 64. (1918). P. 337–341).

⁵ Примечание: Считается, что выражение «паломничество в Россию» впервые в научной литературе употреблено в книге Margulies S.R. *The Pilgrimage to Russia: The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924–1937*. Madison: University of Wisconsin Press, 1968.

тыс. иностранцев, включая десятки тысяч европейских и американских писателей, специалистов разного рода ученых, деятелей искусства и интеллектуалов, позднее изложивших свои впечатления от лицезрения советского эксперимента... пик восторга со стороны Запада — восторга, которому поддались и некоторые из блестящих умов эпохи, — совпал с самым репрессивным периодом советского коммунизма — сталинизмом 1930-х годов (Дэвид-Фокс, 2017: 18-19).

М. Дэвид-Фокс считал, что «слепота западных интеллектуалов в отношении сталинизма, без сомнения, является одной из самых сложных загадок в истории политики и интеллектуальной жизни XX века» (Дэвид-Фокс, 2017: 425). По мнению Е. Котеленец, «одной из основных причин не критичного взгляда на советский строй был глубокий духовный кризис, охвативший западную интеллигенцию в результате Великой депрессии. Разочарование культурной элиты Европы и Америки в ценностях собственного общества диктовало интенсивные поиски «счастья» за рубежом. При этом особо притягательными оказывались молодые государства, провозглашавшие цели построения общества справедливости и равенства» (Котеленец, 2013: 78). С точки зрения Ш. Фицпатрик, восторженные отзывы обуславливались не только идеологическими или политическими симпатиями, но и выбором авангардных типов объектов, демонстрировавшихся иностранцам, и подбором людей, с которыми те общались (Fitzpatrick, 2008: 35).

Д. Энгерман подчеркивал, что большинство американских экспертов положительно отзывались о советской модернизации и оправдывали средства ее реализации. «К 1920-м годам американские эксперты утверждали, что советская модернизация, даже с ее ошеломляющими человеческими и финансовыми затратами, стоила того. Особенно впечатленные советскими заявлениями о том, что индустриализация будет осуществляться рационально и

централизованно, американцы оценили модель как за ее методы, так и за ее цели» (Engerman, 2003: 4).

В. Паперный не упрощал мотивы поддержки сталинского СССР интеллектуалами, формирующими западное общественное мнение (opinion makers). Это могло быть что-то чисто личное, в том числе личное обогащение; экстравагантная мода; расовая, сексуальная или этническая дискриминация на родине; поиски альтернативной религии⁶. Но на первое место он также ставит экономическую депрессию конца 1920-х годов, охватившую Европу и Америку. «Laissez faire капитализм был дискредитирован, государственное вмешательство в экономику казалось неизбежным. Альтернатив было три: национал-социализм, экономическая модель Кейнса, взятая на вооружение Рузвельтом, и сталинский вариант марксизма. Последний казался более привлекательным, потому что был адресован человечеству, а не избранной группе — по крайней мере, на словах» (Паперный, 2003).

Но целевой группой советской пропаганды был именно избранный круг «друзей Советского Союза», в который, среди прочих, входили Ромен Роллан, Бернард Шоу, Сидней и Беатрис Вебб, Андре Жид и Лион Фейхтвангер. Британские социалисты-фабианцы супруги Вебб создали двухтомник «Советский коммунизм: Новая цивилизация?» (Вебб, 1937), ставший одним из самых восторженных описаний сталинского СССР. Советский посол И. Майский писал И. Сталину: «Весьма небезынтересна сама история книги, о которой идет речь. Я как-то спросил Веббов, почему они решили написать книгу о «Советском коммунизме»? С каких пор они так сильно заинтересовались СССР? Мой вопрос был тем более законен, что в период моего пребывания в Лондоне в 1925-1927 гг.,

⁶ Такие «техники гостеприимства», применявшие-ся при организации визитов важных делегаций и почетных гостей, как обильные застолья, изоляция иностранцев от рядовых граждан, перемещение на спецпоездах, заранее согласованные стандартные маршруты неоднократно описаны как в мемуарах и публицистике, так и в научных исследованиях.

когда я был советником полпредства, Веббы не принадлежали к кругу наших «друзей». Они даже никогда не появлялись в полпредстве. Ответ стариков на поставленный мной вопрос был в высшей степени характерен: они особо заинтересовались Советским Союзом, когда мы стали в широких размерах проводить коллективизацию... Лишь когда партия и советское правительство твердо встали на путь массовой коллективизации крестьянства, лишь когда Веббы увидели, что партия и правительство одерживают на этом пути явные и серьезные победы, их настроение изменилось. Они сказали себе: «Это уже совсем иное дело. Это уже очень важно и серьезно. Это первая настоящая попытка построить социализм в большой стране, попытка, имеющая шансы на успех. Надо внимательно изучить то, что происходит в СССР»⁷. В мае 1936 г. русский перевод книги Веббов был вынесен на обсуждение Политбюро, которое, рассмотрев заметные в книге фабианские отклонения, приняло решение о ее издании небольшим тиражом, в 2–3 тыс. экземпляров, и распространении по предварительно утвержденному списку (Дэвид-Фокс, 2017: 380).

В книге «Пересекая границы. Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе» М. Дэвид-Фокс отмечал, что «даже после того, как в результате сталинской «второй революции» сформировался гибрид, сочетающий в себе радикальные перемены и то, что можно было бы назвать статично-консервативными элементами, советская идеология продолжала провозглашать неповторимость и самобытность коммунизма — утверждение, игравшее значимую роль в пропаганде, предназначенной как для советской, так и для иностранной аудитории» (Дэвид-Фокс, 2017: 9).

⁷ Примечание: Майский - Сталину о необходимости перевести на русский язык книгу супругов Вебб «Советский коммунизм: новая цивилизация». 10 ноября 1935 г. // Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917—1956 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. Л. В. Максименков. — М.: МФД: Материк, 2005. С. 403.

Безусловно, прямое сопоставление цели, задач, условий разработки «политики памяти» СССР и современной Российской Федерации некорректно. Это два разных государства, с разными условиями и возможностями. Но наряду с кардинальными различиями в условиях и качестве жизни, совершенно другими технологическими и коммуникационными технологиями, мы можем обнаружить и общие черты как в мышлении, так и в практических действиях российских масс и элит. Т.е. преемственность по отношению к прошлому включает в себя как элементы исключительности, так и общности.

СССР как объект российской политики памяти. Большинство исследователей сходятся во мнении, что первые признаки «советской ностальгии» стали проявляться в российском обществе в середине 1990-х гг., когда «...явно угасли первоначальные импульсы и сравнительно простые, общедоступные и объединявшие многих идеи, символы, лозунги «перестройки», встала (но не была осознана, продумана, артикулирована и намечена к решению) проблема социальной, культурной, идейной дифференциации общества, а из окружения власти начали тем временем постепенно, но последовательно устранять инициаторов, разработчиков и проводников каких бы то ни было «реформ» (Дубин, 2009).

Безусловно, свою лепту внесли деятели культуры, начавшие широко использовать советскую стилистику и символику. Возможно, многими из них это воспринималось как игра, как обращение к безвозвратно ушедшему, но аудитория (т.е. значительная часть общества) восприняла подаваемый продукт именно как наиболее удобный вариант исторической памяти. Как писала Н. Иванова «...когда вы, господа, стебно снимали и крутили без конца старые песни о главном, когда каждый божий день по всем телеканалам вы показываете старые советские фильмы, где и жизнь хороша, и жить хорошо, где кубанские казаки пляшут и поют при сборе урожая, а в уютных городских интерьерах продолжается веселая, славная, устремленная в светлое будущее

советская жизнь, — то чего же вы ожидали? Какого результата?.. А зритель — что ж, зритель внушаем. И ему игровое «советское прошлое», упорно навязываемое игроками-постмодернистами, ближе «настоящего», в котором жить труднее и драматичнее» (Иванова, 2002). «Зритель внушаем», поскольку в середине 1990-х гг. 35 % россиян продолжали чувствовать себя советскими людьми постоянно, а в отдельных случаях еще 23 % (Левада, 2000: 401). «Игровое советское прошлое» давало возможность сохранять в индивидуальной и коллективной памяти то, что приятно помнить, и забыть то, что помнить не хочется. Т.е. «советское» использовалось не только как форма сохранения прошлого, но и как форма забвения.

Для большинства россиян «советская ностальгия», если воспользоваться терминологией С. Бойм, была «рефлексирующей», т.е. «... говорящей о невозможности возвращения домой и осознающей свою собственную эфемерность и историчность». Однако С. Бойм выделяет и второй тип ностальгии – «реставрирующую», которая «...предполагает антимодернистское конструирование исторических мифов посредством возвращения к былым национальным символам... Для понимания реставрирующей ностальгии важно отличать исторические обычаи прошлого от реставрированных ритуалов и театрализованных традиций. ... чем настойчивее звучит риторика преемственности с историческим прошлым, тем избирательнее представляется это прошлое» (Бойм, 2013). Во втором случае приоритетное внимание следует обратить на позицию властных и интеллектуальных элит.

В российской государственной исторической политике по отношению к советскому прошлому нам представляется важным отметить несколько моментов.

Во-первых, переход к трактовке в трактовке советского периода истории как к «полезному прошлому». Интеллектуальному сообществу предлагалось использовать для блага общества только ту часть прошлого, которая может быть полезна настоящему. Если в прошлом такая

полезная составляющая не обнаруживается, ее надо изобрести. Т.е., в коротком варианте предлагалась историческая ложь (или частичная правда) во благо сегодняшнего дня. Вопрос об этической составляющей не ставился, так же как и понимание блага и определение институций и персоналий, имеющих право на его трактовку. То, что происходит сегодня с советской историей, во многом соответствует идеологии «полезного прошлого». Советская история не столько реконструируется, сколько конструируется.

Во-вторых, уверенность политических акторов в своей способности давать окончательные оценки историческим событиям, не будучи специалистами. Отсутствие профессиональных научных навыков, методологии исторического исследования, фрагментарное знание конкретного исторического материала не останавливают политиков различных рангов в стремлении предлагать (навязывать) жестко детерминированную трактовку исторических событий. Альтернативные концепции определяются как «фальсификация истории». Вариант современной российской политики памяти оказался неожиданным для зарубежных исследователей. Дилемма представлялась очевидной: игнорировать неприятное прошлое или осудить его. Однако в первые десятилетия XXI в. отношение политических элит России к «образу СССР» изменилось кардинально. Член Совета при президенте России по международным отношениям Б. Безпалько утверждал, что «По большому счету СССР — это большое количество наций, созданных на теле Российской империи. Им были переданы территории, для них были созданы национальная интеллигенция, национальный язык, национальная история» (Безпалько, 2021). Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал Советский Союз «исторической Россией»: «... мы пережили, по сути, развал государства: Советский Союз распался. А что такое Советский Союз? Это Россия и есть, только называлась по-другому...» (Путин, 2011).

В то же время Президент России подчеркивал, что речь не идет «... о каком-то политическом объединении, о возрождении Советского Союза, да Россия даже и не заинтересована в этом сегодня» (Лукьянов, 2020)⁸. Ф. Лукьянов, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике России, считает, что «... наступил момент, когда государства, возникшие на территории бывшего Советского Союза и признанные суверенными членами ООН и так далее, по факту распада страны, в которую они входили, пришли к важной развилке. Они должны доказать свою состоятельность уже не по факту того, что не стало СССР, а потому, что способны выживать и развиваться сами по себе... [Россия] сама проходила похожую траекторию, но по масштабу и калибру РФ настолько больше, что в её случае не стоял вопрос о состоятельности государственности»⁹.

⁸ Примечание: «Вряд ли можно серьезно говорить о возрождении или восстановлении СССР. Ход истории нельзя повернуть вспять. Об этом неоднократно заявлял президент России Владимир Путин. В своей практической политике исходим из существующих реалий», — сообщается на сайте МИД РФ. 2022. 21 января [Электронный ресурс]. - URL: <https://ura.news/news/1052528604> (дата обращения: 10.03.2022).

⁹ Примечание: Мы не будем повторять в статье известные тезисы представителей российской власти об их неудовлетворенности постсоветскими границами, о (не) состоятельности государственности постсоветских стран и о праве России определять эту (не)состоятельность. С нашей точки зрения, отношение к подобным претензиям было аргументировано определено на заседании Совета безопасности ООН 22.02.2022. Представитель Кении М. Кимани на примере Африки напомнил, что разделение братских народов искусственными границами в прошлом — не повод для насилия и угнетения в настоящем: «Границы наших стран чертили не мы, а чиновники в столицах далеких колониальных метрополий: Лондоне, Париже и Лиссабоне. Их не волновала судьба древних народов, которые они рассекали на части. Сегодня по другую сторону границы любой африканской страны живут наши соотечественники, с которыми у нас прочные исторические, культурные и языковые связи. Если бы в момент объявления независимости мы решили добиваться таких границ для наших государств, которые отражали бы их этническое, расовое или религиозное единообразие, мы бы до сих пор, много десятилетий спустя, вели кровавые войны. Вместо этого мы договорились принять те границы, которые нам достались в наследство. И даже с ними мы решили добиваться экономической и правовой интеграции нашего континента. Вместо того, чтобы стать нациями, которые бесконечно вглядываются в свое прошлое, предаваясь вредной ностальгии, мы решили идти вперед, к величию, которого никогда прежде не знали наши многочисленные народы и нации» [Электронный ресурс]. - URL: <https://meduza.io/feature/2022/02/22/my-reshili-idi-vpered->

Вероятно, когда мы оцениваем современную ситуацию, более логично говорить о концепции «русского мира», а не о возможном проекте «СССР – 2». Понимание концепции «русского мира» нельзя считать окончательно сформированным. Это связано как с турбулентной геополитической ситуацией на постсоветском пространстве, так и с российскими внутривосточными реалиями. Нам представляется важным подчеркнуть позицию Русской православной церкви, озвученную Патриархом Кириллом: «Если говорить о цивилизации, то Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем Русским миром. Русский мир – это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. Русский мир – от киевской купели крещения. Русский мир – это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, которые сегодня себя называют разными именами – и русские, и украинцы, и белорусы. К этому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную... Русский мир – это и духовное, и культурное, и ценностное измерение человеческой личности. Русские, даже которые именуют себя русскими, могут к этому миру и не принадлежать, потому что говорить на русском языке или понимать русский язык – это не единственное условие принадлежности к Русскому миру» (Патриарх Кирилл, 2014).

Советская цивилизация, по оценке Президента России, являлась неотъемлемой составляющей российской цивилизации, понимаемой как «русский мир». Распад СССР был оценен как «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века» (Путин, 2017): «Это был распад исторической России под названием Советский Союз. Мы превратились в совершенно другую страну. И то, что

vmesto-togo-chtoby-stat-natsiyami-kotorye-beskonechno-vglyadyvayutsya-v-svoe-proshloe-predavayas-vrednoy-nostalgi (дата обращения: 10.03.2022).

создавалось 1000 лет, было в значительной степени потеряно»¹⁰.

Положительное отношение к советскому периоду истории, к образу советского государства разделяется большинством россиян. «Повсеместное присутствие советского прошлого в постсоветском настоящем сегодня сложно переоценить. Оно настигает нас повсюду: в большом стиле государственной пропаганды, объяснительных схемах политической аналитики, риторике социальных протестов, массовой культуре или авторском кино... Советское превращается в более-менее принятый всеми по умолчанию способ узнавания настоящего в предшествующей эпохе» (Будрайтскис, 2019).

Согласно данным социологических опросов (по данным ВЦИОМ) в 2000 г. сожалели о распаде СССР 70 % опрошенных¹¹, в 2005 г. – 66 %¹², в 2012 г. – 56 %¹³, 2016 г. – 63 %¹⁴. В 2020 г. «в структуре представлений о «советской эпохе» преобладала положительная компонента (76%)»¹⁵. К. Пипия, ведущий научный сотрудник Левада-Центра готовившая документ, приходит к выводу, что «Ностальгические» настроения

¹⁰ Примечание: Путин В. Президент РФ заявил, что распад СССР был «гибелью» «исторической России. 13 декабря 2021 г. [Электронный ресурс]. -URL:<https://nv.ua/world/countries/putin-rasskazal-o-raspade-sssr-i-rabote-taksistom-novosti-rossii-50201622.html> (дата обращения: 10.03.2022).

¹¹ Примечание: Россияне о распаде СССР и рыночных реформах [Электронный ресурс]. -URL:<https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10452> (дата обращения: 10.03.2022).

¹² Примечание: Россияне о СССР - через четырнадцать лет после его распада [Электронный ресурс]. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-sssr-cherez-chetyrnadcat-let-posle-ego-raspada> (дата обращения: 10.03.2022).

¹³ Примечание: Двадцать лет без СССР [Электронный ресурс]. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dvadcat-let-bez-sssr> (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁴ Примечание: Back in the USSR? [Электронный ресурс]. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/back-in-the-ussr> (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁵ Примечание: Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (дата обращения: 10.03.2022).

о советском прошлом определяются тремя основными причинами: необходимостью сопричастности к «великой державе», разрушением единой экономической системы и потерей чувства сплоченности и доверия, которым они наделяли советское общество. При этом романтизация советского прошлого у 2/3 населения страны не приводит к желанию реставрировать советский строй в нынешней России ни у тех респондентов, кто жил в Советском Союзе, ни у постсоветских молодых, в среде которых советский путь уступает и особому российскому пути, и европейской модели развития¹⁶.

Заключение

В феврале 2022 г. В.В. Путин дал чрезвычайно резкую оценку советскому периоду истории. Российская революция 1917 г. названа «Октябрьским переворотом 1917 года». Далее в «Обращении Президента Российской Федерации» говорилось, что «После революции главной задачей большевиков было любой ценой удержаться у власти, именно любой ценой. Ради этого они шли на всё: и на унижительные условия Брестского мира в то время, когда кайзеровская Германия и её союзники находились в тяжелейшем военном и экономическом положении, а исход Первой мировой войны был фактически предрешён, и на удовлетворение любых требований, любых хотелок со стороны националистов внутри страны. С точки зрения исторических судеб России и её народов ленинские принципы государственного строительства оказались не просто ошибкой, это было, как говорится, гораздо хуже, чем ошибка» (Обращение В. Путина, 2022). Далее

¹⁶ Примечание: Там же.

в документе употребляются определения «сталинская диктатура», «господство коммунистической идеологии и монополия компартии на власть», «тоталитарный режим», «государственный террор». И уничтожительная характеристика базовых советских принципов государственного устройства: «в 1922 году на пространстве бывшей Российской империи был образован СССР. Но сама жизнь сразу же показала, что ни сохранить такую огромную и сложную территорию, ни управлять ею на предложенных аморфных, фактически конфедеративных принципах просто невозможно. Они были напрочь оторваны и от действительности, и от исторической традиции» (Обращение В. Путин, 2022).

Сохранится ли в России отношение к советскому прошлому как к «полезному прошлому» предсказать сегодня невозможно. Все составляющие российской политики, в том числе исторической политики, зависят в значительной степени от воли, желания и настроения лидера, т.е. субъективный фактор является важной составляющей (нам не представляется возможным дать объективную, не конъюнктурную оценку степени этой «важности») формирования политики памяти.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 годы, подпрограмма 1 «История», НИР «1.06.14 Советское прошлое» в концепции современной исторической политики Республики Беларусь».

Список литературы

Безпалько Б. Бывший СССР. 6 декабря [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://lenta.ru/articles/2021/12/06/nostalgia/> (дата обращения: 10.03.2022).

Бойм С. Будущее ностальгии [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushhee-nostalgii.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Д. Бранденбергер. – Москва: РОССПЭН, 2017. – 370 с.

Будрайтскис И. Брежнев как современник? Ностальгия, ретромания и колонизация советского. Неприкосновенный запас. № 2 [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2019/2/brezhnev-kak-sovremennik-nostalgiya-retromaniya-i-kolonizacziya-sovetskogo.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Бурбулис Геннадий: значение референдума 17 марта 1991 года не до конца осмыслено. 17.03 [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://tass.ru/politika/2744847> (дата обращения: 10.03.2022).

Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? / С. Вебб, Б. Вебб. – Москва: Соцэкгиз, 2020. – 448 с.

Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов / А.В. Голубев. – Москва: ИРИ РАН, 2020. – 272 с.

Crowl J.W. Angels in Stalin's Paradise: Western Intellectuals in Soviet Russia, 1917– 1937: A Case Study of L. Fischer and W. Duranty / J.W. Crowl. – Washington: University Press of America, 1982. – 232 p.

Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / М. Дэвид- Фокс. – Москва: Новое литературное обозрение, 2020. – 568 с.

Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском Союзе / М. Дэвид-Фокс. – Москва: Новое литературное обозрение, 2020. – 464 с.

Дубин Б. Режим разобщения. 18 мая 2009 [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://polit.ru/article/05/18/dubin/> (дата обращения: 10.03.2022).

Engerman D. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development / D. Engerman. – Cambridge: Harvard University Press, 2003. – 399 p.

Иванова Н. Русский проект вместо русской идеи [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/russkij-proekt-vmesto-russkoj-idei.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Иванова Н.Б. Ностальгическое. Собрание наблюдений / Н.Б. Иванова. – Москва: ОАО Издательство «Радуга», 1999. – 464 с.

Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization / P. Kenez. – New York: Cambridge University Press, 1985. – 308 p.

Котеленец Е. Образ Советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия // Вестник РУДН, серия История России. – 2013. – № 3. – С.76–90.

Куликова Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов / Г.Б. Куликова. – Москва: ИРИ РАН, 2013. – 370 с.

Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000 / Ю. Левада. – Москва: Московская школа политических исследований, 2000. – 574 с.

Лукьянов Ф. «Не все постсоветские страны докажут государственную состоятельность». Интервью с Федором Лукьяновым. Россия в глобальной политике. 21 октября. [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sss-r-gossostoyatel'nost/> (дата обращения: 10.03.2022).

Медведев С. Полураспад империи. Сергей Медведев – о неоконченном крахе. 31 декабря. [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://www.svoboda.org/a/poluraspad-imperii-sergey-medvedev-o-neokonchennom-krahe/31632801.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Обращение Президента Российской Федерации (2022). 21 февраля [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: kremlin.ru/events/president/news/67828 (дата обращения: 10.03.2022).

Паперный В. Вера и правда: Андре Жид и Лион Фейхтвангер в Москве // Неприкосновенный запас. № 4. [Электрон. ресурс]. – 2021. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2003/4/vera-i-pravda-andre-zhid-i-lion-fejhtvanger-v-moskve.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Патриарх К. Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь. Официальный сайт Московского патриархата. 8 сентября [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/3730705.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Путин В. Полный текст интервью российским телеканалам. РИА «Новости». 17 октября [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://ria.ru/20111017/462204254.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Путин В. Распад СССР - крупнейшая геополитическая катастрофа века [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://ria.ru/1496353896.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Референдум, СССР 1991 г. – результаты референдума о сохранении СССР [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://tass.ru/spec/ussr-referendum> (дата обращения: 10.03.2022).

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О праздничных и памятных датах» 01.10. [Электрон. ресурс]. – 2022. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901731190> (дата обращения: 10.03.2022).

Холландер П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе (1928–1978)) / П. Холландер. – Санкт-Петербург: Издательство «Лань», 2000. – 592 с.

Fitzpatrick S. *Foreigners Observed: Moscow Visitors in the 1930 s under the Gaze of their Soviet Guides.* Russian History. – 2008.

В.И. Меньковский

Беларусь мемлекеттік университеті, Минск, Беларусь

Pax sovietica – уникальный мир страны советов

Андатпа. Кеңес Одағы мен Ресей Федерациясының саяси, мәдени, медиа тәжірибелерінде КСРО бейнесінің қалыптасуы Ресей мен әлем тарихының ерекше құбылысы ретінде талданады. Зерттеу historical memory studies әдіснамасын, яғни тарихи сананы, ұжымдық жақты, Тарихи жақты зерттеуді қолданды. Пайдаланылған әдістеме «КСРО бейнесін» қалыптастырудың екі кезеңін талдауға мүмкіндік берді-1930 жылдардағы кеңестік (өзін-өзі)өкілдік және 1990-2020 жылдардағы орыс (ре)дизайны. Екі кезеңді қарастырған кезде, ең алдымен, кеңестік құбылысты әлемдік тарихтың ерекше құбылысы, адам, қоғам және мемлекет өмірінің ең прогрессивті нұсқасы ретінде сипаттауға деген ұмтылысқа назар аударылды. 1930 жылдардағы «кеңестік өркениет». бүкіл адамзат үшін оңтайлы үлгі ретінде түсіндірілді, 1990–2020 жж. қазіргі орыс қоғамының ғана емес, сонымен бірге кеңінен түсінілген орыс әлемінің ажырамас бөлігі ретінде.

Автор 1930 жылдары қалыптасқан деп тұжырымдайды. сурет негізінен қазіргі орыс жақ саясатында қолданылады. Ресейдің Кеңес Одағы емес екендігіне қарамастан, «кеңес» ұғымын «орыс» ұғымымен алмастыру үрдісі байқалады, өйткені Кеңес Одағы Ресей емес еді. Келесі аспект кеңестік модельдің динамикасымен байланысты. Әлеуметтік-экономикалық және саяси жүйе билік элиталарының жоспарларына және қоғамның элиталарға әсер етуіне байланысты дамыды. Дамудың жалпы әлемдік үрдістері, геосаяси бәсекелестік сөзсіз ықпал етті. «Кеңестік өркениет «екі ұғымның түсініксіздігі мен қарама – қайшылығына байланысты» социализм-капитализм « дихотомиясына ену өте қиын.

КСРО-дағы ресейлік ностальгия-бұл өткен әлеуметтік жүйенің бейнесін идеализациялайтын посткоммунистік (постсоциалистік) ностальгияның ерекше жағдайы. Алайда, кеңестік өткен орыс түсіндірмесінде ол басқа елдердің тарихи-мифологиялық вариацияларында көрсетілгеннен гөрі «пайдалы өткен» болып шықты.

Түйін сөздер: Кеңес Одағы; Ресей Федерациясы; кеңестік ностальгия; «КСРО бейнесі»; социализм; еске алу саясаты; мемориалдық мәдениет.

V.I. Menkouski

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pax sovietica - the unique world of the Soviet state

Abstract. The article analyzes the formation of the image of the USSR as a unique phenomenon in Russian and world history in the political, cultural, and media practices of the Soviet Union and the Russian Federation. The research uses the methodology of historical memory studies, i.e., the study of historical consciousness, collective memory, and historical memory. The methodology used made it possible to analyze two stages of the formation of the «image of the USSR» - the Soviet (self) representation of the 1930s and the Russian (re)design of the 1990s - 2020s. When considering both stages, attention was paid primarily to the desire to characterize the Soviet phenomenon as a unique phenomenon of world history, the most progressive version of the existence of man, society, and the state. «Soviet civilization» in the case of the 1930s was interpreted as the optimal model for

all mankind, in the case of the 1990s - 2020s as an integral component not only of modern Russian society but also of the widely understood «Russian world».

The author concludes that the image formed in the 1930s is mainly used in modern Russian memory policy. There is a noticeable tendency to replace the concept of «Soviet» with the concept of «Russian», even though Russia was not the Soviet Union, just as the Soviet Union was not Russia. The next aspect is related to the dynamism of the Soviet model. The socio-economic and political system has evolved both because of the plans of the ruling elites and because of the influence of society on the elites. Global development trends and geopolitical competition also had an undoubted influence. «Soviet civilization» is very difficult to fit into the dichotomy of «socialism - capitalism» because of the vagueness and controversy of both concepts.

Russian nostalgia for the USSR is a special case of post-communist (post-socialist) nostalgia idealizing the image of a bygone social order. However, the Soviet past in the Russian interpretation turned out to be a more «useful past» than it appears in historical and mythological variations of other countries.

Keywords: Soviet Union; Russian Federation; «Soviet nostalgia»; «image of the USSR»; socialism; memory policy; memorial culture.

References

Bezpal'ko B. Byvshii SSSR. 6 dekabria [Former USSR. December 6], Available at: <https://lenta.ru/articles/2021/12/06/nostalgia/>, [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Boim S. Budushchee nostalgii [The Future of Nostalgia], Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushhee-nostalgii.html> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Brandenberger D. Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941 [The Crisis of Stalin's Agitprop: Propaganda, Political Education, and Terror in the USSR, 1927-1941], (ROSSPEN, Moscow, 370 p.), [in Russian].

Budraitskis I. Brezhnev kak sovremennik? Nostal'giia, retromaniia i kolonizatsiia sovetskogo. Neprikosnovennyi zapas. 2. [Brezhnev as a contemporary? Nostalgia, Retromania, and the Colonization of the Soviet. Untouchable Stock. No. 2]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2019/2/brezhnev-kak-sovremennik-nostalgiiya-retromaniya-i-kolonizatsiia-sovetskogo.html> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Burbulis Gennadii: znachenie referendum 17 marta 1991 goda ne do kontsa osmysleno. 17.03 [The significance of the March 17, 1991, referendum is not fully understood. 17.03]. Available at: <https://tass.ru/politika/2744847> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Veblen S., Veblen B. (1937) Sovetskii kommunizm – novaia tsivilizatsiia? [Soviet Communism - a new civilization?], (Sotsekgiz, Moscow, 448 p.), [in Russian].

Golubev A.V. «...Vzgliad na zemliu obetovannuiu»: Iz istorii sovetskoi kul'turnoi diplomatii 1920–1930-kh godov [«...A Look at the Promised Land»: From the History of Soviet Cultural Diplomacy in the 1920s and 1930s], (IRI RAN, Moscow, 272 p.), [in Russian].

Crowl J.W. Angels in Stalin's Paradise: Western Intellectuals in Soviet Russia, 1917– 1937: A Case Study of L. Fischer and W. Duranty. (University Press of America, Washington, 232 p.).

Devid-Foks M. Vitriiny velikogo eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuz 1921–1941 gody [Showcases of the Great Experiment. Cultural Diplomacy of the Soviet Union and its Western Guests, 1921-1941], (Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 568 p.), [in Russian].

Devid-Foks M. Pereseikaia granitsy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soiuz [Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union], (Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 464 p.), [in Russian].

Dubin B. Rezhim razobshcheniia. 18 maia 2009 [Disengagement Mode. May 18, 2009], Available at: <https://polit.ru/article/05/18/dubin/> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Engerman D. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. (Harvard University Press, Cambridge, 399 p.).

Ivanova N. Russkii proekt vmesto russkoi idei, Znamia. [The Russian project instead of the Russian idea], Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/russkij-proekt-vmesto-russkoj-idei.html> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Ivanova N.B. Nostal'iashchee. Sobranie nabliudenii [Nostalgia. A Collection of Observations], (OAO Izdatel'stvo «Raduga», Moscow, 1999, 464 p.), [in Russian].

Kenez P. *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization*. (Cambridge University Press, New York, 1985, 308 p.).

Kotelenets E. *Obraz Sovetskogo Soiuzu v mire: faktory i dinamika vospriiatiia* [The Image of the Soviet Union in the World: Factors and Dynamics of Perception]. *Vestnik RUDN, seriia Istoriia Rossii* [Bulletin of the Russian University of Peoples Friendship, History of Russia series] 2013. No.3. P. 76–90, [in Russian].

Kulikova G.B. *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaia Rossiia 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov* [The New World through the Eyes of the Old. Soviet Russia in the 1920s and 1930s through the Eyes of Western Intellectuals]. (IRI RAN, Moscow, 2013, 370 p.), [in Russian].

Levada Iu. *Ot mnenii k ponimaniiu. Sotsiologicheskie ocherki. 1993–2000* [From Opinion to Understanding. Sociological Essays. 1993–2000]. (Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani, Moscow, 574 p.), [in Russian].

Luk'ianov F. «Ne vse postsovetskie strany dokazhut gosudarstvennuiu sostoiatel'nost'». Interv'iu s Fedorom Luk'ianovym. *Rossiia v global'noi politike. 21 oktiabria* [«Not all post-Soviet countries will prove their statehood. Interview with Fyodor Lukyanov. Russia in Global Politics. October 21.], Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/sss-r-gossostoyatel'nost/> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Medvedev S. *Poluraspad imperii. Sergei Medvedev – o neokonchennom krakhe. 31 dekabria* [The half-life of the empire. Sergey Medvedev on the unfinished collapse. December 31.]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/poluraspad-imperii-sergey-medvedev-o-neokonchennom-krahe/31632801.html> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii (2022). 21 fevralia [Address by the President of the Russian Federation (2022). February 21.]. Available at: kremlin.ru/events/president/news/67828 [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Papernyi V. *Vera i pravda: Andre Zhid i Lion Feikhtvanger v Moskve, Neprikosnovennyi zapas. No. 4* [Faith and Truth: André Gide and Lyon Feuchtwanger in Moscow, Untouchable Stock. No. 4]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2003/4/vera-i-pravda-andre-zhid-i-lion-fejhtvanger-v-moskve.html> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Patriarkh K. *Russkii mir – osobaia tsvivilizatsiia, kotoruiu neobkhodimo sberech'.* Ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata. 8 sentiabria [The Russian world is a special civilization that must be preserved. Official website of the Moscow Patriarchate. September 8], Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/print/3730705.html> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Putin V. *Polnyi tekst interv'iu rossiiskim telekanalam. RIA «Novosti». 17 oktiabria* [Full text of the interview to Russian TV channels. RIA Novosti. October 17.]. Available at: <https://ria.ru/20111017/462204254.html> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Putin V. *Raspad SSSR - krupneishaia geopoliticheskaiia katastrofa veka* [The Collapse of the USSR - the Biggest Geopolitical Catastrophe of the Century]. Available at: <https://ria.ru/1496353896.html> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Referendum SSSR 1991 g. – rezul'taty referendumu o sokhraneni SSSR [Referendum (1991) USSR 1991 - results of the referendum on the preservation of the USSR], Available at: <https://tass.ru/spec/ussr-referendum> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR «O prazdnichnykh i pamiatnykh datakh» 01.10. [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR «On holidays and memorial dates» 01.10]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901731190> [in Russian]. (accessed 10.03.2022).

Khollander P. *Politicheskie pilgrimy (puteshestviia zapadnykh intellektualov po Sovetskomu Soiuzu, Kitaiu i Kube (1928-1978)* [Political Pilgrims (Travels of Western Intellectuals in the Soviet Union, China, and Cuba (1928-1978)]. (Izdatel'stvo «Lan'», Saint-Petersburg, 592 p.), [in Russian].

Fitzpatrick S. *Foreigners Observed: Moscow Visitors in the 1930 s under the Gaze of their Soviet Guides.* Russian History. 2008.

Сведения об авторе:

Меньковский Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор, кафедры истории России исторического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Menkouski Viachaslav Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Belarusian State University, Minsk, Belarus.